

ТРУД-7 1 НОЯБРЯ 1996 г.

ВСТРЕЧА СО «ЗВЕЗДОЙ»

S

прик. и газ. Труд.

Соловьяненко относится к тем личностям, о которых принято говорить: они состоялись как гордость отечественного искусства. Правда, какого отечества? Народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственной премии — кому сегодня до этого дело? Советский артист, творческое пространство которого простиралось «с южных гор до северных морей», и нынче желанный гость в любом театре, клубе, доме культуры бывшего СССР. Свой певческий стаж он исчисляет четырьмя десятилетиями и, что

удивительно: голос его не собирается терять свежести и обаяния, поет ли он сложнейшую оперную арию или задушевную украинскую песню. Это, кстати, не дежурный дилетантский комплимент певцу-ветерану. Это мнение многих коллег Анатолия Борисовича, похорошему завидующих долголетию выдающегося артиста. На прошлой неделе артист приехал к нам в редакцию, чтобы выступить в музыкальном салоне «Труда». Как мы уже сообщали, успех был огромный. Ответил он и на вопросы газеты.

зале, знавшем времена стабильных аншлагов, присутствует двести — триста человек. Поводом же к моему уходу стало нежелание дирекции театра выпустить к моему выступлению в партии Эдгара в «Лючии ди Ламмермур» афиши. Объяснили просто: нет бумаги, художника, красок. Разве это серьезная отговорка? Заявил прямо: при таком отношении к артисту считаю свое пребывание в театре невозможным. Что интересно, реакция на мое заявление была нулевой. Больно и обидно. Впрочем, для бывших советских театров это стало, увы, печальной традицией. Разве не таким же образом прощались с Зурабом Анджапаридзе и Владимиром Атлантовым в Большом или Олегом Борисовым во МХАТе?

— Похоже, такое отношение в театрах к национальному достоянию, не случайность.

— Мне иногда кажется, что рычагами власти сегодня управляют слишком много людей, слабо представляющих себе, куда может завести общество бездуховность. Анализируя происходящее в литературе, на сцене и, особенно, на телеэкране и в радиозфире, поневоле приходишь к выводу: мы в плену какого-то приклатного искусства. Как будто все мы зеки и на-

няться преподавательской деятельностью. Все же, какая ни на есть, а лишняя гривна в домашнем бюджете.

— Вы, наверное, слабо представляете себе, сколько в учебном заведении получает преподаватель по вокалу.

— Сколько?

— Профессору Московской консерватории платят в месяц аж 400 тысяч. Как вы сами понимаете, для Киева это недостижимая высота. Но не в этом дело, по крайней мере, для меня. Пока я не вижу у себя преподавательских задатков. А потом всю жизнь у меня перед глазами трагический пример великого Карузо. Взявшись учить одного из начинающих вокалистов, он сделал из него калеку на всю жизнь, из-за чего до самой его смерти вынужден был нести расходы на лечение.

— Принято говорить, что жизнь настоящего артиста, тем более, певца, должна быть аскетической. Приходится без конца себя в чем-то ограничивать, а порой даже отказываться от обычных жизненных утех.

— Вы, наверное, наслушались анекдотов о нашем брате. Скажем, есть такой: ложится в постель со своей возлюбленной тенор и вдруг вскакивает, как ошпаренный. «В чем дело?» — спрашивает обеспокоенная подруга. «Мне нельзя, — отвечает тенор. — Как я мог забыть, что у меня через три недели «Аида»?» Мой друг Николай Кондратюк по этому поводу как-то заметил: «Знаешь, Анатолий, нам ведь перед спектаклем нельзя, а после так и незачем». Но это шутки, хотя в них немало правды. Конечно, певцу, чтобы быть в форме, во многом себе приходится отказывать. Нельзя есть и пить слишком горячее или слишком холодное. Я, например, кроме вина, ничего не пью. А вообще все это индивидуально. Каждый сам себе выбирает, что ему можно, а чего нельзя.

— Вы упоминали о семье. Что она для вас значит?

— Все. Я сочувствую тем артистам, у которых нет крепкого и надежного семейного тыла. У меня прекрасная семья — жена Светлана, двое сыновей: старший Андрей и младший Анатолий. Андрей получил инженерное образование и работает сейчас в Канаде. Анатолий заканчивает университет, собирается стать юристом. Все, как принято говорить, судьбоносные решения в своей творческой карьере я принимал, находя поддержку супруги, сыновей. Так, к примеру, жена поддержала в свое время мое желание расширить горизонты певческой деятельности, включив в репертуар русские романсы, которых набралось уже несколько десятков. Благодаря этому у меня теперь не только есть отличная камерная программа, но и компакт-диски. Поддержала меня семья и когда я принимал нелегкое для себя решение об уходе из театра.

— А как она отнеслась к вашему решению теперь петь баритоном?

— Кто вам это сказал?

— Говорят...

— И правильно говорят. Боюсь, однажды Анатолий Соловьяненко действительно запоет баритоном. Но это будет не Анатолий Борисович, а Анатолий Анатольевич. Он действительно бредит пением, оперу «Борис Годунов», например, знает наизусть и выпевает все партии от баса до сопрано. Что я могу с этим поделать? Личный пример сыну только мешает. Из меня ведь тоже не получился горный инженер. Но и давить не буду. Да и честно говоря о певческой карьере пока говорить еще рано. Вот мутация у парня завершится, тогда посмотрим.

— Вы по натуре оптимист?

— Скорее, наоборот.

— Тогда вас бесполезно спрашивать о том, каким вам видится будущее...

— Отчего же? Я все-таки верю в позитивные перемены, но... Помните из Некрасова: «Жаль только, жить в эту пору прекрасную уж не придется...»

Гостя расспрашивал
Анатолий ЖУРИН.
Фото Ильи МОРДВИНКИНА.

ЛЕНСКИЙ НАЧИНАЛСЯ С НАЧЕРТАТЕЛЬНОЙ ГЕОМЕТРИИ

«СОЛЬ» И «ДО» АНАТОЛИЯ СОЛОВЬЯНЕНКО

— Анатолий Борисович, если верить вашим биографам и публикациям в СМИ, у вас довольно необычная судьба. Сын шахтера заканчивает политехнический институт в Донецке, получает диплом горного инженера, причем с отличием, остается преподавать в родном вузе начертательную геометрию, а в свободное время, вместо того, чтобы готовиться к лекциям, потихоньку ходит к специалисту по вокалу. И так долгих десять лет...

— Здесь ничего необычного нет. Я с детства любил музыку, подражал известным музыкантам, исполняя песни и оперные арии еще в школе. Любил петь и мой отец Борис Степанович. Но ни ему, ни мне тогда не приходило в голову, что пением можно зарабатывать. Смутил мою душу бывший солист Донецкого театра оперы и балета Александр Николаевич Коробейченко, когда я познакомился с ним, учась на третьем курсе политехнического. Он увидел во мне будущего оперного певца.

— Но тем не менее на серьезной сцене вы появились только десять лет спустя.

— Когда ты молод, ты куда не торопишься, а когда тебе исполняется тридцать, мечтать о начале оперной карьеры вроде бы и не серьезно. Обычное выступление на смотре художественной самодеятельности в Киеве, и вдруг практически одновременно два ошеломляющих предложения — петь на сцене театра оперы и балета им. Т.Г.Шевченко и командировка в Ла Скала на стажировку. На целых три года.

— Дальнейшее поклонникам вашего таланта хорошо известно: триумфальные выступления на сцене Киевского театра оперы и балета, Большого, ведущих музыкальных театров мира. Кстати, вы ведь первый советский тенор, которого пригласила искушенная нью-йоркская Метрополитен-опера?

— У меня уже к тому времени сложился крепкий репертуар лирико-драматического тенора: Турриду из «Сельской чести», Ленский из «Евгения Онегина», Самозванец из «Бориса Годунова», Манрико из «Трубадура». Так что ничего необычного в этом не было.

— Слава о вас пошла «по всей Руси Великой». И как результат: Ленинская премия в

1980 году, которую вы отдаете в Фонд Мира. Что это, эффектный жест, рекламный трюк, а может быть, вынужденный шаг. Вы что, тогда были настолько богаты, что ни в чем не нуждались?

— Напротив, очень даже нуждался. Напомню вам, что премиальный приз равнялся 10 тысячам долларов. Если учесть, что у нас с женой Светланой родился недавно второй сын Анатолий, что мы как раз ремонтировали свою квартиру, под что у друзей заняли пять тысяч, то... Но, во-первых, вокруг этой премии было столько разговоров и, во-вторых, светлое будущее представлялось нам безоблачным и бесконечным. Ну, словом, посоветовавшись со Светланой, мы решили сделать жест доброй воли, резонно считая, что Бог все видит и наша щедрость будет воздана семейным счастьем.

— Вы говорите насчет разговоров вокруг премии. Что или кого вы имеете в виду?

— Не хотел бы называть имени достаточно известного и популярного моего коллеги, но он, узнав о том, что меня собираются выдвинуть на Ленинскую премию, проделал большую «подготовительную» работу. В результате накануне обсуждения моей кандидатуры в политбюро все в Киеве уже знали, что я там не котируюсь. Но когда стало известно, что моя кандидатура все-таки прошла, тот самый мой коллега, который стоял у истоков этой «работы», первым поспешил меня поздравить, уверяя, что никогда не сомневался в успехе Соловьяненко.

— Какие могли быть к вам претензии? Неужели у вас были враги?

— Видите ли, в Киеве всегда хватало тех, кто непременно прилюдно бил себя в грудь, демонстрируя патриотизм и приверженность к сугубо национальной культуре. В их глазах Соловьяненко, который не скрывал своей любви к российской и итальянской музыке, конечно, подходил под популярную тогда матрицу — «космополит».

— Сколько лет назад вы ушли из родного театра, которому отдали столько лет жизни. В чем тут дело?

— Решение, которое я принял три года назад, было для меня трудным, но абсолютно необходимым. Иначе я растерял бы не только уважение к себе со стороны моих пок-

лонников, но и упал бы в собственных глазах. Дело в том, что я понаслышке знал, что театру мастера стали не нужны. Он превратился, как принято говорить среди вокалистов, в «моржовый» — это когда на первые партии приглашают тех, кто еще вчера с трудом мог петь вторые. Новый директор театра Анатолий Мокренко и главный дирижер Владимир Кожухарь не особенно утруждают себя работой с творческим коллективом. В результате уровень спектаклей снизился до местечкового, они представляются на суд зрителей без достаточного количества репетиций. Отсутствует сколь-нибудь продуманная репертуарная политика — преобладают произведения украинских авторов, многим из которых, конечно, далеко до уровня классики. Ну и тому подобное.

С афиш исчезли имена звезд. Одни, как Евгения Мирошниченко или Гизелла Ципола, ушли в преподавательскую деятельность. Другие, как великолепный бас Анатолий Кочерга, украшают западные сцены. Нередки случаи, когда в

ходимся в зоне. Нет, не случайно еще Чехов, кажется, заметил: «самым большим успехом у публики пользуется пошлость». Я далек от призывов расставить всюду красные флажки запретов, но ведь кто-то должен позаботиться и об истинном искусстве. Весь мир уже понял — без поддержки государства ему не выжить.

— Итак, Анатолий Борисович, ваш удел сегодня — это концерты и только. Представим себе на минуту, что завтра вы примете решение: больше не пою. Спасут ли ваши многочисленные государственные регалии и награды от нищеты?

— О чем вы говорите? Кому все эти цацки сегодня нужны? Как и всякий рядовой пенсионер Украины, я буду жить только на свои двадцать — двадцать пять долларов в месяц. В конце концов, может быть, это и есть высший принцип социальной справедливости нынешней власти: «Не высывайся».

— А не резонным было бы за-